

ТЕРЕЗА РОМЕЙН

ЛЕДИ-
ПЛУТОВКА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
P70

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Theresa Romain

LADY ROGUE

Перевод с английского *Т.А. Перцевой*

Компьютерный дизайн *Э.Э. Кунтыш*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения литературных агентств
Nancy Yost Literary Agency и Andrew Nurnberg.

Ромейн, Тереза.

P70 Леди-плутовка : [роман] / Тереза Ромейн ; [перевод с английского Т. А. Перцевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 320 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-112476-2

Изабел, леди Морроу, считалась в свете самой благопристойной молодой вдовой, однако под маской безупречности она скрывала не только пылкую натуру (о чем прекрасно знал брошенный возлюбленный — офицер полиции Каллум Дженкс), но и страх позорного разоблачения — ведь ее муж, известный торговец картинами древних мастеров, в действительности продавал подделки, оставляя шедевры себе...

У Изабел созрел дерзкий план — заменить подделки подлинниками. Но как светской даме совершить серию столь странных «краж наоборот» и не попасться? Она вынуждена вновь обратиться за помощью к Каллуму и просить его содействия — но какие условия он поставит женщине, которую страстно любит до сих пор?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Theresa St. Romain, 2018

© Перевод. Т.А. Перцева, 2018

ISBN 978-5-17-112476-2

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Глава 1

Май 1818 года

Лондон

Возможно, Изабел не стоило просить дворецкого проводить офицера полиции Дженкса в гостиную. Именно гостиная была той комнатой, в которой сыщик полицейского уголовного суда восемнадцать месяцев назад впервые встретил Изабел, труп мужа которой лежал наверху, с пулевой раной в голове.

Ассоциации были не слишком приятными.

Но где еще они могли встретиться? Утренняя комната казалась ужасно унылой в конце дня, и к тому же Изабел никогда не нравилась висевшая на стене картина маслом, изображающая Вакха и его менад. Уж очень самодовольными были эти нагие нимфы, а вино, лившееся на них, казалось темным, как кровь.

Почему за все месяцы вдовства она так и не велела снять раздражающее ее полотно?

Просто ее не покидало чувство, что это по-прежнему дом Эндрю, а ведь картина была одним из самых ценных его приобретений. Наверное, поэтому она все еще висела на месте. Покойный Эндрю Морроу, арт-дилер и бонвиван, кутила и весельчак, имел твердое мнение относительно того, какие картины, как и где нужно показывать публике.

Но после его смерти получилось так, что чем больше Изабел узнавала об этих картинах, тем меньше хотела иметь с ними дело.

Поэтому и послала за полицейским офицером Дженксом.

Последние из визитеров, посетивших ее в утро вторника (поток не прекращался весь день), распрошались совсем недавно, оставив после себя едва уловимые ароматы цветочных духов, легкие вмятины на сиденьях мягких кресел и случайные крошки на ковре.

Изабел еще не оставила привычку рассматривать комнату критическим взглядом Эндрю и вряд ли когда-нибудь оставит. Быстро взглянув на дверь гостиной — все еще закрытую, — она вскочила с кресла и подобрала все крошки с ковра. Ну вот, теперь под ногами снова мягкий, идеальный островок словно вплетенных в ворс цветов.

Изабел подошла к окну, отодвинула задвижку и выбросила крошки. Пусть остатки кексов леди Тисдейл накормят дроздов.

Несколько мгновений она позволяла весеннему ветерку щекотать лицо, после чего с сожалением закрыла окно.

И как раз успела вернуться на место, когда Селби постучал в дверь гостиной и, появившись на пороге, объявил о прибытии офицера.

Как только Дженкс вошел в комнату, дворецкий удалился, оставив Изабел наедине с посетителем.

— Офицер Дженкс, — приветствовала Изабел поднимаясь.

— Леди Изабел Морроу, — поклонился сыщик.

Они молча смотрели друг на друга, словно никогда не встречались раньше; словно офицер Дженкс никогда не расследовал убийство в этом доме; словно между ним и Изабел никогда не было романа...

Но стоит ли называть романом единственную встречу? Возможно, нет. Особенно потому, что все произошло в Воксхолле, где подобные интимные отношения были совершенно обычным делом.

Обычным, но только не для Изабел. Ни до этой встречи, ни после. Но в тот день у нее были веские причины забыться.

Усилим воли она вернулась к настоящему:

— Надеюсь, вам не пришлось ждать долго, прежде чем Селби пришел за вами.

— Вы прекрасно знаете, что ждать не пришлось. Наоборот, это я опоздал на семь минут.

Вечно он приводит ее в замешательство! Резкая прямота там, где уместнее было бы мягкое возражение.

— Верно, — кивнула Изабел. — Возможно, вам следует извиниться.

— А вы наслаждались бы моими извинениями?

В темных глазах загорелись веселые искорки, но губы так и не сложились в улыбку:

— Дамам всегда по душе некоторая покорность. Неужели вам будет неприятно попросить прощения? Если нет, неплохо бы выслушать извинения.

Он отвесил издевательски низкий поклон:

— Мои покорнейшие извинения, леди Изабел. Меня задержали на фальшивом аукционе.

— Фальшивом... что?

— Достаточно распространенное мошенничество, хотя такие аукционы обычно проходят вечером. Дневной

свет — враг дешевых вещей, выставленных на продажу. При этом зазывалы набавляют цену за счет честных покупателей.

— И что вам пришлось сделать?

— Засунуть аукционеров в наемный экипаж и отослать к судье.

Таким бесстрастным тоном другой человек мог бы заметить, что вода мокрая.

— В таком случае я удивлена, что вы опоздали всего на семь минут. Но, пожалуйста, пусть это вас не беспокоит, офицер Дженкс.

Она снова опустила на стул.

— Позвонить, чтобы принесли чай?

Интересно, полагается ли угощать чаем представителя закона? Этикет никогда не затрагивал подобных ситуаций. Возможно, правильный этикет вообще не имеет никакого отношения к представителям закона.

— Леди Изабел... — Он взял стул на противоположном конце комнаты, чтобы сесть лицом к ней. — Хотелось бы знать, почему вы послали за мной.

Он выглядел большим и неуклюжим на хрупком антикварном стуле из резного, выкрашенного в белый цвет дерева. Подобно Изабел он обладал средним ростом, но она была изящной и хрупкой и одевалась по последней моде. Каллум Дженкс же был воплощением решительности и непреклонности, и сегодня на нем были простой черный фрак и жилет, темно-желтые панталоны и черные сапоги. Галстук завязан простым узлом. Джентльмен или торговец? На первый взгляд сказать трудно. Изабел чувствовала себя рядом с ним абсолютно непрактичной в скромном полутраурном платье из серого муслина с темным узором. Рукава длинные. На запястьях узкие

оборки. Темно-каштановые волосы уложены так, как диктовал модный журнал. Она производила впечатление воплощенной элегантности и хорошего вкуса, хотя удобным ее наряд не назовешь.

Изабел подавила нахлынувшее желание заерзать на стуле. Причина, по которой она позвала Дженкса, была еще более неудобной, чем платье, поэтому пришлось объясняться крайне осторожно.

— Я пригласила вас, — начала она, — потому что здесь можно говорить свободнее, чем в здании суда на Боу-стрит. Видите ли, я хочу нанять вас расследовать дело в частном порядке.

Он долго смотрел на нее, прежде чем ответить, потом поднял глаза к потолку, словно хотел пронзить его взглядом и увидеть комнату этажом выше.

— Речь не идет об убийстве, — добавила Изабел.

— Это куда предпочтительнее.

Когда он снова взглянул на нее, она не смогла сдержать улыбки. У Дженкса была привычка поджимать губы с таким видом, словно он хотел сказать еще что-то, но вовремя остановился, чтобы не проговориться. Только однажды ей удалось заставить Дженкса признаться, что у него на уме.

— Я лучше сначала покажу вам письма, — решила она вставая.

Учтивый, как настоящий маркиз, Дженкс немедленно поднялся.

В этой освещенной весенним солнцем гостиной с высокими потолками, большими окнами и любимой Эндрю элегантной антикварной мебелью было не так уж много мест для тайников. Стулья, маленький ломберный столик, арфа, на которой никто не играл, и фортепиано, на котором иногда играла Изабел.

Она подошла к фортепиано, сняла с верхней крышки ветвистый канделябр, несколько красиво разложенных романов и аккуратную стопку нот, подняла крышку и вынула лежавший на молоточках пакет.

— Позвольте, леди Изабел, — попросил тихо подошедший Дженкс и осторожно водрузил на место тяжелую крышку, после чего тщательно разложил снятые вещи по прежним местам.

— Вы наблюдательны, — похвалила Изабел. — Если они сдвинуты хотя бы на дюйм, я съем все свечи в канделябре.

Указательным пальцем Дженкс молча сдвинул стопку романов дюймов на шесть и искоса глянул на Изабел.

— Явная лезть, — заметила та. — Значит, свечи останутся несъеденными.

— Жаль. Мне хотелось бы стать свидетелем такого зрелища.

Глядя на нее, он снова улыбнулся одними глазами.

— Так я должен увидеть письма?

— Да. Пожалуйста.

Изабел протянула связку, и пока он осматривал пакет со всех сторон, прежде чем поддеть пальцем восковую печать, стояла рядом. От него пахло крахмалом и угольным дымом, чистой одеждой и лондонским воздухом.

Она наблюдала, как он рассматривает бумаги в пакете. Писем было не много, и все не слишком длинные, однако каждое он читал несколько казавшихся бесконечными минут.

— Что вы думаете о письмах? — допытывалась Изабел. — Я от ужаса рвала на себе волосы, хотя потратила на чтение ровно вдвое меньше времени.

Он перевернул страничку, поднял к свету и прищурился:

— У вас осталось достаточно волос, чтобы блистать в обществе. Я на вашем месте не волновался бы.

— Как насчет писем?

— О них можете беспокоиться, если хотите.

Он вернул письмо в маленькую стопку и перелистал все.

— Итак, ваш муж, а потом и вы, постоянно переписывались с человеком по имени Батлер, который требовал денег за свою службу.

— Все это было так неожиданно! Сначала я посчитала, что это шантаж, хотя... — У Изабел перехватило горло. — Не знаю, чем меня можно шантажировать.

«Откуда Батлер все это узнал? Как вообще можно узнать, чем занимается или не занимается пара за закрытой дверью спальни?»

— Не знаете? — глухо спросил Дженкс.

— Абсолютно, — ответила она твердо. — И это так, потому что все написанное вовсе не было шантажом. Думаю, содержание именно таково, каким кажется при прочтении. Этот человек работал на моего мужа, а поскольку тот скоропостижно скончался, бедняге не заплатили за работу.

— Почему бы в таком случае просто не заплатить ему?

— Я заплатила.

Можно подумать, леди Морроу когда-нибудь отказывалась делать то, что от нее ожидали!

— Дело не в деньгах. Меня тревожит сама его работа.

— Судя по весьма туманному содержанию писем, занятие Батлера было не совсем законным.

— Это и верно, и неверно. В самой работе не было ничего дурного, а вот в том, что делал с ней Морроу...

Дженкс смотрел на нее, явно ожидая пояснений. Хотя вид у него был непроницаемый, она чувствовала,

что он недоволен ее ответом: подбородок упрямо выдвинут вперед, губы плотно сжаты, в темно-карих глазах ни тени улыбки.

— Если бы вы не смотрели на меня так грозно, я могла бы лучше объяснить, — пробормотала Изабел.

Дженкс изогнул бровь:

— Это единственное лицо, которое у меня есть. Простите, если оно вам не нравится.

— Я этого не говорила.

Прелестно.

Щекам стало тепло.

— Послушайте, давайте сядем.

Когда они снова устроились на стульях, она продолжила:

— Вам известно, что Эндрю... мистер Морроу торговал предметами искусства. Собирал их в Европе и дорого продавал аристократам и нуворишам.

— Да, я помню это из прошлого расследования.

Расследования смерти Эндрю.

Изабел набрала в грудь воздуха, ощущая, как шнуровка корсета врезается в ребра.

— Проблема в том, что Морроу не всегда отдавал клиентам предметы искусства, за которые они платили. Он отдавал им почти неотличимые полотна Батлера.

Дженкс все мгновенно понял:

— Так они занимались подделками!

— Да.

Странно, что прегрешения Эндрю она ощущала как собственные, даже через полтора года после того, как он оставил ее вдовой.

— В то время я ничего не знала. Полагаю, это поразительная наивность с моей стороны.

— Необязательно. Подделка предметов искусства не то деяние, которым хвастаются женам.

Временами немногословие Дженкса утешало.

— Итак, — уточнил он, — покойный мистер Морроу обманывал клиентов. А этот человек, Батлер, был соучастником?

— В первом я уверена, но не в роли Батлера, хотя его письма породили вопросы. И я не смогу спать спокойно, пока не найду ответы. Фигурально выражаясь, разумеется.

Впрочем, она и без этого давно не спала спокойно: совесть мучила при мысли о том, в какой лжи она жила.

— Письма написаны месяц назад, — заметил Дженкс. — Поскольку вы уладили дела с Батлером и нашли ответы, которые искали, в моей помощи нет нужды.

— Есть, — заверила Изабел, вскинув подбородок. — Я единственная досконально знакома со всеми деталями дела. Мне лучше судить, в чем я нуждаюсь, а в чем нет.

— Я никогда не утверждал обратное, леди Изабел.

Он смотрел ей в глаза на мгновение дольше, чем позволяли приличия. Ее губы медленно приоткрылись, тело затопило жаром. Она вспомнила теплый вечер в мае прошлого года, потаенный грот в Воксхолл-Гарденз... его руки на ее грудях... его губы на ее шее... и не дававшее покоя раскаленное наслаждение, от которого оба задохнулись.

Она не могла забыть его поцелуи, медленные, сладостные, жесткие и требовательные. Сейчас, в этой тихой комнате, трудно было поверить в то, что все было на самом деле.

Она посмотрела на свои лежащие на коленях руки со сплетенными пальцами. Туго сплетенными пальцами. Руки порядочной вдовы.

Леди Изабел Морроу, которую знал лондонский свет, была учтива. Спокойна. Грациозна. И места занимала ровно столько, сколько было необходимо. Только Дженкс видел ее иной — в момент слабости сразу после смерти Эндрю и несколько месяцев спустя — в блаженном забытии той ночи в Воксхолле.

Она скучала по той Изабел. Честной. Неосмотрительной. Но это был только момент слабости в ее тщательно организованной жизни.

Прежде чем она успела ответить, в комнату вошел лакей с чайным подносом. Хотя Изабел не приказывала принести чай, Селби всегда строго соблюдал правила вежливости.

За слугой трусил бигль, который затем деловито обошел все: от чайного столика до ножек стульев, — прежде чем обнюхать сапоги Дженкса.

— Вы приобрели сторожевого пса, — заметил Дженкс, когда лакей поставил поднос.

— Это Бринли, — пояснила Изабел, — и сторожевой пес из него никудышный. Он, конечно, лает, но любит всех так, что скорее разбудит дом, приветствуя своего, чем обратит внимание на чужого. И подлизывается к мальчишке-посыльному точно так же, как к своей хозяйке.

Словно в доказательство правдивости ее слов, Бринли запрокинул голову и разразился протяжным воем. Дженкс оглядел собаку — крепкого маленького бигля с темно-коричневой шкурой и вечно виляющим хвостом. Длинные каштановые уши были постоянно насторожены, что придавало ему выражение любопытства.

Дженкс почесал голову песика, отчего тот сразу высунул язык и принялся ритмично колотить хвостом по его сапогам, словно выбивал барабанную дробь.

Расставив чашки и чайник, лакей поклонился. Эндрю всегда требовал, чтобы слуги соблюдали все правила этикета, и даже нанимал ливрейных лакеев для каждого званого ужина.

— Простите, что позволил псу ворваться сюда, миледи. Сейчас я его заберу.

— Спасибо, Дуглас. Отведите его к мисс Уоллес.

Едва лакей схватил Бринли за кожаный ошейник, как тот со скорбно-обвиняющей миной уставился на Изабел: «Ты меня отсылаешь? Меня, лучшего сторожевого пса Англии?»

— Глупый щенок, — вздохнула Изабел, поднимая с блюда бисквит и бросая песику, который поймал его на лету.

Пришлось подчиниться лакею, который уволок его из комнаты, но на прощание Бринли издал еще один вопль.

Дженкс проводил его глазами и, когда дверь закрылась, обратился к Изабел:

— Хорошая собачка.

— Да. Выбракованный малыш, один из всего помета. Мой брат держит свору охотничьих собак. Вместо того чтобы утопить, лорд Мартиндейл предложил его мне.

— Счастливый парень этот ваш Бринли.

— Скорее уж это я счастливая, — покачала головой Изабел. — После смерти Морроу были дни, когда Бринли был почти единственным моим компаньоном. Очень многие не знали, что сказать вдове, и поэтому писали уклончивые, полные банальностей письма и предпочитали держаться подальше.

Даже сейчас визитеров было меньше, чем до смерти Эндрю.

Возможно, это даже к лучшему. Изабел была шокирована смертью мужа, но не слишком жалела о своем вдов-

стве, и потому не могла допустить, чтобы кто-то догадался о таком вероломстве по отношению к усопшему. Эта мысль заставила ее вспомнить о причине сегодняшней встречи с Дженксом.

— Прошу прощения за вторжение пса, офицер. Припоминаю, что вы спросили, почему я позвала вас, если уже нашла ответы. Видите ли... мне нужна ваша помощь в не совсем законном деле. Но все равно оно праведное.

После того как она договорила, Каллум долго смотрел на нее. На форму губ. На цвет глаз. У него была прекрасная память на лица, и он считал ее глаза карими, но сейчас они были зеленовато-карими.

Изабел вскинула брови, ожидая ответа — единственного, который он мог ей дать, даже несмотря на то, какой красавицей она была, когда улыбалась.

— Простите, но вынужден отказаться, миледи. Моя должность — офицер полиции — не позволяет принимать участие в чем-то, как вы выразились, не совсем законном.

— Понимаю. Но это один из тех редких случаев, когда законность и праведность не одно и то же.

И верно, случай редкий. Но и такое бывает. Как только разговор будет закончен, Дженкс поедет в Ньюгейт именно по такому делу.

Это все решило.

— Хорошо. Расскажите мне.

— Если я расскажу, вам придется либо помочь мне, либо забыть о моей просьбе.

Она была темноволосой, немного худой и бледной той бледностью, которую богатые женщины сохраняют с помощью зонтиков. Впрочем, хрупкой она не казалась и сидела прямо, как каменная колонна, одетая в серое платье.

— Этого я обещать не могу, — покачал он головой.

— В таком случае мне придется найти кого-то другого. Простите, что потратила ваше время и оторвала от столь важного фальшивого аукциона.

Она начала подниматься, но он протестующе вытянул руку:

— Леди Изабел, подождите, пожалуйста. Вы попали в беду?

— Нет. По крайней мере, я так не думаю. — Она снова села и пригладила и без того гладкие волосы: — Вернее, хотелось бы так думать, но на самом деле я затеяла все это ради Люси.

— Кто такая Люси?

Леди Изабел нервно повертела на пальце обручальное кольцо, которое носила до сих пор.

— Люси — это мисс Уоллес, о которой я упоминала, подопечная моего мужа. После его кончины опекуновство перешло ко мне. У Морроу было очень мало родственников, поэтому он завещал ее мне, вместе с домом и остальной собственностью.

— Он завещал вам живого человека?

Каллум не встречал Эндрю Морроу при жизни, но, так или иначе, сделанное им невысказано.

— Да. Но даже если бы и не завещал, я бы все равно хотела остаться с ней. Она приехала к нам за год до смерти Морроу и стала мне кем-то вроде сестры. Или дочери. Но для того, чтобы быть первой, она слишком молода, а для того, чтобы быть второй, — слишком взрослая. Возможно, я некто вроде тетки.

Она с улыбкой расправила оборки на запястьях.

— Простите. Пора бы уже разлить чай. Вы пьете с сахаром?